

занную съ его стороны предупредительность. Я желаю, чтобы съ этого дня прекратилось всякое между вами неудовольствіе. Мы начинаемъ новую эру; надо освятить ее живою благодарностью къ Провидѣнію и чувствомъ великодушнаго прощенія въ отношеніи всѣхъ“.

12-го декабря, Государь, въ день своего рожденія, сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: „*Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу*“. Во время обѣда у Кутузова, когда пили здоровье Государя при громѣ пушекъ, Кутузовъ сказалъ Императору, что артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Александръ Павловичъ посѣтилъ балъ у главнокомандующаго, который только-что передъ тѣмъ получилъ отъ Платова отбитыя донцами знамена и повергъ ихъ къ стопамъ Монарха при входѣ его въ бальную залу.

Затѣмъ въ Вильнѣ скорѣ было получено большой важности донесеніе, что прусскій генералъ Йоркъ, подчиненный маршалу Макдональду, заключилъ съ генераломъ Дибичемъ, на Пошерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой было положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ, на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки прусскихъ войскъ. Отложеніе Йорка лишило корпусъ Макдональда 16.000 чел. съ 48 орудіями. Въ то же время гр. Витгенштейнъ перешелъ Нѣманъ у Юрбурга, 16-го декабря, направился къ Кенигсбергу, который и занялъ безпрепятственно своимъ авангардомъ 24-го декабря.

Невзирая на успѣшное окончаніе похода и изгнаніе наполеоновскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи, Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ Государя о необходимости продолжать войну. Адмиралъ Шишковъ, раздѣлявшій мнѣніе Кутузова, какъ соответствующее выгодамъ Россіи, спросилъ фельдмаршала, отчего онъ не настаиваетъ на томъ передъ Государемъ? „Онъ,—прибавилъ Шишковъ:—по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважилъ бы ваши совѣты“. Кутузовъ на это отвѣтилъ: „Я представлялъ ему объ этомъ; но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также опровергнуть не можно; и, другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ, тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ“.

Въ самый день Рождества Христова, 25-го декабря 1812 г., было возвѣщено Россіи манифестомъ о благополучномъ окончаніи Отечественной войны; вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ манифестѣ Императоръ Александръ I высказалъ намѣреніе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Спасителя Христа, въ ознаменованіе благодарности къ промыслу Божию, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели.

Грандіозный проектъ этого храма, составленный академикомъ Витбергомъ, былъ начатъ сооруженіемъ на Воробьевыхъ горахъ. Художникъ-мистикъ сумѣлъ угодить своей идеей Александру, но постройка этого монументальнаго храма впослѣдствіи была признана неосуществимою, и въ царствованіе Императора Николая I былъ заложенъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя, по проекту архитектора К. Тона, который и служить памятникомъ 1812 года.

Замѣчательно, что Наполеонъ въ концѣ жизни былъ также истиннымъ христіаниномъ и говорилъ: „Святой огонь, возженный на землѣ Іисусомъ Христомъ, продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу, которую не можетъ угасить время — этотъ великій гаситель. Это мнѣ доказываетъ вполне Божество Іисуса. И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился пріобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которые за меня шли на смерть. Но да предохранить меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіазма солдатъ съ христіанскою любовью. Они настолько различны, какъ и ихъ побужденія. Слова, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто обо мнѣ еще беспокоится въ Европѣ? Что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра, Цезаря. Насъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только-что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню, никто изъ его придворныхъ уже болѣе о немъ не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ,